

Розень оставался деревяннымъ при чтеніи «Ревизора», ничего не видѣлъ въ немъ, кромѣ дурного тона. И ему казалось, что Пушкинъ былъ ближе къ его, Розена, пониманію, чѣмъ къ восторгамъ стадныхъ хвалителей.

Разъ экипажъ Пушкина запоздалъ, Розень пошелъ съ нимъ пѣшкомъ, проводить до набережной между Гагаринской пристанью и Литейною. Говорили о Гоголѣ. «Я признался во всѣхъ тяжелыхъ до ужаса впечатлѣніяхъ отъ комедіи. Онъ внимательно слушалъ. Что-жъ онъ отвѣчалъ? Я въ защитѣ «Ревизора» ничего не имѣю сообщить отъ имени Пушкина. Мы подошли къ его дверямъ. Онъ позволилъ и обратился ко мнѣ съ неожиданною, но меня уже несколько не поразившею просьбою».

Дальше Розень не сказалъ ни полъ слова и умеръ. Но ясно, что сказала Пушкинъ. «Совершенно согласенъ съ вами, однако, пусть это между нами. Что же, лжетъ Розень потомству? Можетъ быть, и не лжетъ. Вспомнимъ, что С. Аксаковъ, совсѣмъ близко знавшій и Гоголя, и Пушкина, оставилъ показаніе, что поначалу Пушкинъ едва-ли видѣлъ Гоголя во весь ростъ. Такъ, «юмористическій сочинитель». И вѣдь Пушкинъ умеръ, едва увидѣвъ первые наброски «Мертвыхъ душъ».

Погодинъ нашелъ повѣсть «грязною». Однако, что грязнаго въ томъ, что у чловѣка отвалился носъ? Сейчасъ все мѣняется, если вмѣсто написаннаго отвалился поставить подразумеваемое «швалился». Погодинъ подставилъ слово и отказался напечатать повѣсть потому, что понялъ ее, вѣроятно, какъ «бредъ чловѣка, большого тѣлоу болѣзнью».

Откуда это могло притти Гоголю? Какой генезисъ этой повѣсти, загадки изъ загадокъ? Сидѣлъ за лѣтописями,—написалъ «Тараса Бульбу»,—ясно, какъ день. Пушкинъ только что разыгралъ рѣзкое столкновение съ отцомъ на фонѣ денегъ,—черезъ мѣсяць является «Окупной рыцарь». Баратынский, чавѣрное, не былъ чистымъ Сальерн, но такая-то линия пошла, по всей вѣроятности, именно отъ Баратынскаго,—и создается «Моцартъ и Сальери». А «Носъ»?

Въ 1829 году (т. е. 20-лѣтній) Гоголь заболѣлъ. «Высыпала по всему лицу и рукамъ большая сыпь. Доктора сказали, что это слѣдствіе золотухи, что у меня кровь крѣпко испорчена, что мнѣ нужно принимать кровоочистительный декоктъ, и присудили пользоваться водами въ Травемунде» (письмо матери отъ 1829 г., Письма, т. I, 130).

Мать пришла въ ужасъ. Что она писала сыну, не знаемъ, но новое отвѣтное письмо его имѣемъ. «Какъ вы могли, маленька, подумать даже, что я—добыча разврата, что нахожусь на послѣдней степени униженія, наконецъ, рѣшились прислать мнѣ болѣзнь, при мысли о которой всегда трепетали отъ ужаса даже самыя мысли мои!.. Какъ вы могли подумать, чтобы сынъ такихъ ангеловъ-родителей могъ быть чудовищемъ... Изъ чего вы заключили, что я долженъ болѣть былъ непременно этою болѣзнью?» (136). Но положеніе свое Гоголь все таки считаетъ «ужаснымъ». «Ни одной ночи я не спалъ спокойно, ни одинъ сонъ мой не наполненъ былъ сладкими мечтами» (137).

Это хорошо, что сохранились такія категорическія строки, и отрѣзанъ просторъ охотникамъ сказать чуть не всѣхъ великихъ людей въ Калинкинскую больницу. Но для того, чтобы пережить кошмаръ потери носа, не достаточно ли было такой впечатлительной натурѣ, какъ Гоголь, просто одной ночи фальшивой тревоги. Когда дѣйствительно въ зловѣщемъ молчаніи безсонницы вдругъ «затрепетали отъ ужаса даже самыя мысли» его? По его же словамъ, въ этомъ 1829 г. «ни одной ночи» онъ «не спалъ спокойно».

Не бѣгалъ ли въ кошмарѣ одной такой почти самъ Гоголь по улицамъ Петербурга, разыскивая отпавшій и олицетворившійся носъ? Но пришло утро, сгнули страшныя фантомы. «Да это же не тема, а кладь!»—долженъ былъ воскликнуть очнувшійся юмористъ. И не такъ-ли явилась черезъ 2—3 года (1832—1833) повѣсть, удивляющая людей 80-хъ лѣтъ, ключъ отъ которой упалъ въ море.

Можетъ быть, такъ, можетъ быть, совсѣмъ не такъ. Нельзя, однако, не сказать, что за не очень скромной догадкой есть своей резонъ. Вотъ почему я думаю, что нѣсколько кошмарные тона, усвоенные вчера инсценированной повѣсти, напримѣръ, въ сценѣ, въ газетной экспедиціи, суть наиболѣе вѣрные тона постановки, которая стояла труда и вниманія и дѣлаетъ честь любящимъ и понимающимъ литературу руководителямъ «Бривого Зеркала».

А. Измаиловъ.

Кошмаръ одной безсонной ночи.

(къ инсценировкѣ «НОСА»).

... У Гоголя многое непонятно до конца, а «Носъ» стоитъ совершенно загадкою вотъ уже 80 лѣтъ. Погодинъ прочиталъ повѣсть, пожалъ плечами и... не рѣшился напечатать въ «Московскомъ Наблюдателѣ», найдя ее «грязною».

Три года валялась грязная повѣсть у Гоголя. Онъ уже былъ славень, уже поставилъ «Ревизора», когда «Носъ», въ новой передѣлкѣ, попалъ въ руки Пушкина. Вѣроятно, съ тѣмъ же недоумѣніемъ прочиталъ его геніальный поэтъ, но ласково засмѣялся и напечаталъ повѣсть въ 3-й книжкѣ своего «Современника». (Сентябрь, 1836 г.). Разумѣется, онъ понималъ, что такой писатель уже не нуждается въ редакторскомъ опекунствѣ.

Но любопытнѣйшій вечеръ ихъ сговора утонулъ въ таинственной безднѣ времени. Только смутный слѣдъ какого-то колебанія,—редактора или автора?—остался на шифрѣ потомства. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ Гоголь боялся читательскаго недоумѣнія. Можетъ быть, Пушкинъ считалъ, что собрату нужна дружеская услуга его авторитета. Но въ журналѣ для повѣсти, не въ примѣръ прочимъ, понадобилась оговорка: «Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатаніе этой шутки; но мы нашли въ ней такъ много неожиданнаго, фантастическаго, веселаго, оригинальнаго, что уговорили его позволить намъ познакомиться съ публикою удовольствіемъ, которое доставила намъ его рукопись».

Извѣстный баронъ Розень (авторъ пресловутаго либретто къ оперѣ Глинки), откровенно не любившій Гоголя и не признававшій его, оставилъ странный намекъ. Не отдалъ-ли Пушкинъ Гоголя этимъ «Носомъ» сознательно на глумленіе свѣту? Для самого Розена Гоголь былъ никакой писатель;